

# Воспоминанія псоваго охотника.

(Посвящается брату моему В. П. Ш—чу.)

Да не осудить меня читатель слишкомъ строго за проявленіе страсти присущей почти каждому охотнику, подѣлиться собственными воспоминаніями и впечатлѣніями съ своими собратьями по страсти.

Такъ какъ во всѣхъ моихъ разсказахъ будетъ главнымъ образомъ фигурировать одна собака, гончій кобель «Докучай», то я и считаю нелишнимъ привести его біографію.

Докучай происходитъ отъ кобеля англійской породы, подареннаго намъ сосѣдомъ помѣщикомъ, которому онъ достался отъ бывшаго егермейстера царской охоты Скарятина, и суки — породы костромской. Онъ соединяетъ въ себѣ всѣ достоинства обѣихъ этихъ породъ: необыкновенно парать, полазистъ, смышленъ и злобенъ. Будучи девятимѣсячнымъ щенкомъ, онъ сгонялъ въ одиночку волка, вцѣпился ему въ глотку и закоченѣлъ, какъ это бываетъ съ бульдогами, такъ что доѣзжачій нашель его лежащимъ на мертвомъ уже переяркѣ и едва могъ разжать зубы. Различные случаи изъ его многолѣтней, безпорочной службы (если ему не ставить въ порокъ страшную вороватость) и будутъ служить темою моихъ воспоминаній. Впрочемъ, все это «дѣла давно минувшихъ дней» и теперь Докучай представляетъ собою хилаго старца, въ которомъ духъ бодръ, но плоть немощна; онъ теперь взялъ на себя роль наставника своего многочисленнаго потомства и въ острову, когда горячій гонъ смолкнетъ на нѣсколько мгновеній, онъ, до тѣхъ поръ спокойно сидѣвшій на бугоркѣ и наслаждавшійся привычной мелодіей, отправляется въ кусты, начинаетъ понемногу отзываться, точно идетъ въ доборъ и вновь раззадоренные юнцы живо натекаютъ на слѣдъ.

Подъ старость онъ сталъ баловаться, сталъ ловить по бѣлой тропѣ русаковъ на лежкахъ, но теперь и отъ этого удовольствія долженъ отказаться, такъ какъ зрѣніе ему измѣняется; это обстоятельство дало намъ съ братомъ возможность наблюдать одинъ разъ очень забавный случай.

Была мягкая пороша. Гончихъ только что напустили и мы съ братомъ, въ ожиданіи гона, сошли съ своихъ мѣстъ, усѣлись на бугрѣ надъ логомъ и закурили папирсы. На противоположной сторонѣ лога довольно явственно виднѣлся свѣжій русачій слѣдъ: онъ выходилъ изъ кустовъ, пересѣкалъ небольшую полянку и опять исчезалъ въ нихъ.

Вдругъ, на этомъ слѣду показался Докучай. Онъ бѣжалъ тихо, не отзываясь, видимо имѣя намѣреніе поймать русака на лежкѣ и завладѣть имъ нераздѣльно. Уже половина полянки была пройдена, какъ въ опушкѣ кустовъ, приблизительно въ направленіи слѣда, онъ замѣтилъ что-то очень похожее на русака. Тихо, тихо сталъ онъ подкрадываться къ нему и, когда приблизился достаточно, вдругъ прыгнулъ... Оказался пенъ. Смущеніе Докучая было громадное. Онъ окончательно сконфузился, посмотрѣлъ на насъ, повилялъ хвостикомъ, старался показать видъ, что вовсе онъ и не ошибся, а такъ только прыгнулъ, а затѣмъ, желая хоть какъ нибудь досадить русаку, виновнику его смущенія, началъ отзыватьсь съ азартомъ. Мигомъ подвалилась вся стая и скоро русакъ былъ убитъ.

---

Разъ мы охотились уже довольно поздно осенью, приблизительно въ концѣ сентября, въ богатыхъ звѣремъ мѣстахъ, подъ С. О—мъ.

Бросили гончихъ въ болото; доѣзжацій, привязавъ въ опушкѣ лошадь, тоже отправился съ ними, и скоро по отчаянному гону мы заключили, что стая ведетъ по лисѣ.

Надо замѣтить, что съ одной стороны этого болота идетъ чистый, пологій скатъ, на которомъ стали мы, борзятники, въ числѣ четырехъ своръ, а съ другой его стороны протекаетъ рѣка О—лъ, имѣющая въ этомъ мѣстѣ сажень до двадцати ширины.

Гоньба была жаркая. Двѣнадцать голосовъ слились въ одну октаву, изъ которой поминутно выдѣлялось хлопанье арапника, да крикъ «къ нему!» доѣзжачаго. Лисица однако замѣшкалась. Нѣсколько разъ просилась она въ поле, и думалось, что вотъ-вотъ вылетитъ она изъ опушки и покатитъ по зеленымъ. Но, надежда эта всякій разъ не оправдывалась и наконецъ гонъ сразу

смолокъ, какъ будто оборвался. Ни одна даже не отозвалась, какъ это бываетъ въ случаѣ гончій сколятся. Оставалось предположить, что лисицу сгоняли. Мы все еще стояли на своихъ мѣстахъ, раздумывая, чтобы это значило, какъ вдругъ послышался мѣрный басъ Докучая: бумъ! бумъ! бумъ! и больше ни одного голоса не было.

Наконецъ, доѣзжачій вышелъ изъ болота, сѣлъ проворно на лошадь и поскакалъ въ направленіи къ мосту, который былъ въ полуверстѣ отсюда.

Въ недоумѣніи сѣхались мы и никто не могъ дать никакого объясненія. Гончія одна по одной вываливались изъ опушки и подходили къ намъ. Черезъ полчаса показался доѣзжачій, въ торокахъ у него болталась порядочная лисица, а сзади бѣжалъ мокрый Докучай.

— Это что? какъ! откуда? посыпались вопросы.

Доѣзжачій, гордый подвигомъ своего любимца, не спѣша сталъ рассказывать намъ слѣдующую исторію.

Лисица, облетѣвъ всѣ лазы, рѣшилась уйдти на другую сторону болота, обманула гончихъ, бросилась въ рѣку и поплыла на тотъ берегъ. Гончія довели до рѣки и сразу оборвались, что мы и слышали, а Докучай, вѣроятно дольше всѣхъ остававшійся на берегу, замѣтилъ лисицу уже довольно далеко, бросился за ней, догналъ и задушил или вѣрнѣе закупалъ въ рѣкѣ, держа ее за шиворотъ и опуская постоянно въ воду. Затѣмъ онъ вытащилъ ее на берегъ, сѣлъ около и сталъ отзываться. Всю эту сцену видѣли пастухи, стерегшіе на той сторонѣ овецъ, а послѣднюю и доѣзжачій, который по болоту добрался до самаго О—ла.

---

Такая же почти сцена разыгралась и въ другой разъ.

Брали одно болото. Всѣ своры стали по одной сторонѣ, расположившись на крутомъ бугрѣ, а другую велѣли беречь доѣзжачему. Но, онъ какъ-то не успѣлъ заскакать и отхлопать лисицу, она выкатилась на его бокъ, и скоро на противоположномъ бугрѣ показалась лисица, провожаемая неистовымъ ревомъ шестнадцати гончихъ. Впереди всѣхъ, по обыкновенію, былъ Докучай. Скоро все это, и лисица, и гончія, и доѣзжачій скрылись у насъ изъ виду. Зная, что за бугромъ находится другое болото и надѣясь, что лисица задержится тамъ нѣсколько времени, мы толкнули лошадей и поскакали туда.

Когда мы проскакали уже бугоръ, то глазамъ нашимъ представилась такая картина: лисица плыла черезъ большой прудъ въ болото, и всѣ гончія плыли за ней, не переставая гнать.

Оказалось, что она не попала къ тому мѣсту, гдѣ болото почти подходило къ берегу, а попала къ пруду и, не имѣя возможности выбирать, рѣшилась отправиться вплавь.

---

Вспоминается мнѣ первая съѣзжая охота, въ которой я участвовалъ.

Съ самаго моего пріѣзда на каникулы (я былъ тогда гимназистомъ) братъ мучилъ меня тѣмъ, что у него есть какой-то секретъ, имѣющій для меня большое значеніе, но котораго онъ ни за что не откроетъ. Я сейчасъ-же догадался, что дѣло касалось охоты, но какимъ образомъ—это было мучительной загадкой. Много хитростей, ласкъ было мною пущено въ ходъ, но ничто не помогало, и братъ сразу открывалъ всѣ мои подъ него подкопы.

Наконецъ, 15-го августа, было получено письмо отъ одного сосѣда-помѣщика, съ приглашеніемъ не забывать 1-е сентября и съ увѣдомленіемъ, что волчій выводокъ нетронутъ и по прежнему находится въ М—мъ болотѣ, о чемъ краснорѣчиво свидѣлствуютъ ежедневныя жалобы крестьянъ.

Тутъ ужъ братъ рассказалъ мнѣ все. Я узналъ, что на 1-е сентября назначена охота на волковъ у этого самаго сосѣда, что туда пріѣдетъ и П—въ съ своею охотою. П—въ былъ старый охотникъ, держалъ до сихъ поръ сравнительно большую охоту и ѣздилъ мастерски, по старинному. У него былъ старый доѣзжачій Ларіонъ, котораго онъ, любя, называлъ «Ларькой», и про этого Ларьку я слышалъ уже давно, а потому и понятно, что горѣлъ нетерпѣніемъ поскорѣе увидать его и послушать знаменитое порсканье.

Невыносимо долго тянулись эти двѣ недѣли. Въ охотѣ на волковъ мнѣ предстояло участвовать въ первый разъ, да еще при такой обстановкѣ, и немудрено, что по ночамъ мнѣ слышалась гоньба, видѣлись волки и каждую ночь во снѣ стрѣлялъ ихъ чуть не по десятку.

Наконецъ настало 31-е августа. Братъ съ борзыми отправился рано утромъ, чтобъ поохотиться дорогой и затѣмъ дать отдохнуть собакамъ за ночь, такъ какъ имѣніе сосѣда находилось верстахъ въ двадцати отъ насъ.

Я поѣхалъ немного позже и, когда прибылъ туда, нашелъ уже всѣхъ въ сборѣ: всѣ закусывали, рассказывали о предстоявшей на завтра охотѣ, а кстати выслушивали и различные случаи изъ многолѣтней охотничьей практики П—ва.

Я весь превратился въ слухъ, сѣлъ въ уголокъ, жадно вслушивался въ разговоры и съ уваженіемъ смотрѣлъ на почтеннаго ветерана охоты.

«Вижу: Карай мой спѣетъ, спѣетъ—ррразъ! и потащилъ». «Ррразъ» это какъ-то особенно хорошо у него выходило; онъ нагибался впередъ, заносилъ лѣвую руку, какъ будто только что спустил собакъ со своры, и затѣмъ дѣлалъ ею быстрое движеніе. Я всякій разъ даже вздрагивалъ отъ удовольствія и вся картина травли была у меня какъ на ладони.

Долго продолжались эти рассказы. Въ нихъ прошелъ обѣдъ, ужинъ, и наконецъ мы улеглись спать, съ тѣмъ, чтобъ завтра чуть свѣтъ двинуться въ атаку. Планъ охоты былъ уже составленъ и назначены мѣста для шести борзятниковъ и семи ружейниковъ.

При одномъ словѣ человѣка, будившаго насъ, я былъ уже на ногахъ и съ неудовольствіемъ посматривалъ на другихъ охотниковъ постарше, пившихъ чай. «Какъ это они могутъ пить чай, когда сейчасъ будетъ такая охота!» думалось мнѣ.

Но, вотъ мы тронулись. Ружейникамъ была подана помѣстительная линейка, мы всѣ успѣли и тройка лошадей дружно подхватила съ мѣста. Я все оглядывался на борзятниковъ, выстроившихся верхами на дворѣ и поджидавшихъ одного изъ доѣзжачихъ, который никакъ не могъ дозваться забившагося куда-то Громилу.

Тронулись и они. Впереди ѣдутъ «господа». Братъ мой, на своемъ необыкновенно шаговитомъ донцѣ, постоянно выдвигается изъ нихъ и опять немного осаживаетъ лошадь. Сзади, въ строгмъ молчаніи, слѣдуютъ борзятники съ борзыми на сворахъ и безъ своръ, и наконецъ два доѣзжачихъ, нашъ и П—ва, сопровождаемые тридцатью гончими. Шествіе замыкаютъ три мальчишки захлопщики.

Мнѣ недолго пришлось любоваться этой картиной. Скоро мы поѣхали рысью и скрылись за бугромъ. Пришлось немного подождать всю охоту у самого болота, куда предполагали бросить гончихъ. Болото это было громадное, сплошь покрытое камышомъ, и, если-бъ тамъ волковъ и не оказалось, то можно было смѣло рассчитывать десятка на полтора лисицъ. Когда подѣзжали борзятники, видно было еще издали, какъ П—въ, которому было вручено распоряженіе охотой, отдавалъ на ходу приказанія, оборачивался въ сѣдлѣ къ борзятникамъ и движеніемъ руки указывалъ имъ мѣста гдѣ становиться.

Ружейники тоже начали расходиться по мѣстамъ.

Только что, я сталъ на мѣстѣ, какъ послышалось: «уухъ! полазь, полазь», а немного спустя вся стая уже просто ревѣла и вела лисицу прямо ко мнѣ. У меня, по обыкновенію, сдѣлалась лихорадка, ружье перестало держаться въ рукахъ, и одна нога, по своей собственной волѣ, выдѣлывала какія-то удивительныя па. Но, недоходя шаговъ ста, лисица повернула, вышла на одного охотника и, выслушавъ его салютъ, отправилась на борзыхъ, гдѣ и была затравлена, а стая вела уже другую. Я стоялъ на небольшой перемычкѣ, покрытой громадными кочками, притаившись, за одиноко росшимъ кустомъ. Всѣ борзятники были у меня какъ на ладони, и это-то меня и погубило.

Стая гнала уже въ разнобой, по нѣсколькимъ лисицамъ сразу, и борзятники постоянно травили. Выстрѣловъ тоже было немало, но, какъ оказалось потомъ, всѣ они остались безъ результатовъ.

Ближе всѣхъ ко мнѣ стоялъ П...въ съ стремяннымъ. Я какъ то взглянулъ на него и увидалъ, что матерая лисица катить ему прямо въ ноги. Тутъ ужъ я не въ силахъ былъ оторваться, сталъ на кочку и вникъ глазами въ эту картину.

— Пускай! крикнулъ П...въ своимъ азартнымъ фальцетомъ стремянному.

Тотъ какъ молнія вылетѣлъ изъ-за него, бросилъ собакъ, и баринъ галопировалъ сзади и наблюдалъ какъ его любимая Вьюга жить не дала лисицѣ.

Съ двухъ—трехъ угонокъ лисица была поймана, стремянной чуть не кубаремъ слетѣла съ лошади и оттолкнула ее. Мнѣ нечего было больше смотрѣть и я, очнувшись отъ того состоянія, въ которомъ находился во все время травли, вспомнилъ, что стою на лагу съ ружьемъ и гончія ведутъ уже близко. Окинувъ быстрымъ взглядомъ свою полянку, я увидалъ шагахъ въ тридцати сидячую лисицу, до сихъ поръ занимавшуюся вѣроятно наблюденіями надъ выраженіемъ моей физіономіи. Она сидѣла за высокой кочкой, такъ что видѣлась одна ея голова и, недолго думая, я выстрѣлилъ, всѣми силами души желая, чтобъ зарядъ угодилъ ей прямо въ лобъ, такъ какъ честь моя была положительно затронута такимъ небрежнымъ ея отношеніемъ ко мнѣ. Лисица завертѣлась за кочкой, я въ восторгѣ побѣждалъ, чтобъ взять ее и провозгласить побѣдное «ого-ого!», какъ вдругъ, собравшись съ послѣдними силами, она юркнула въ непролазную чащу камыша, а я остался одинъ, униженный, опозоренный, и

въ отчаяніи сталъ кричать своего доѣзжачаго, дѣлалъ попытки пробраться въ камышъ, потому что у меня было твердое убѣжденіе, что она вотъ тутъ, въ двухъ шагахъ, лежитъ уже бездыханная. Подвалились гончія, провели по горячему нѣсколько десятковъ шаговъ отъ меня и сразу смолкли. Очевидно было, что лисицу мою словили, а достать ее, отбить, не было никакой возможности.

Я готовъ былъ плакать отъ досады, но послушалъ какъ заливается Ларька и мое горькое чувство стало по немногу утихать. Дѣйствительно это было необыкновенное порсканье, какой-то особенный голосъ, особенная манера! Точно онъ въ три ручья разливается—плачетъ. Просто какъ пѣсню какую чудную слушаешь и не можешь наслушаться. Вѣкъ-бы его слушалъ, и мнѣ стало понятно печему этотъ Ларька, несмотря на свое неисправимое пьянство, такъ дорогъ П...ву: прослушавши тридцать лѣтъ такое порсканье, отъ него нельзя уже оторваться.

Скоро зазвучалъ тоненькій голосъ распорядителя охоты: выходи вонъ! и доѣзжачіе, въ два рога, начали сбивать гончихъ.

Сѣхались борзятники, изъ которыхъ не у одного болталась въ торокахъ лисица, а у иного и двѣ; сошлись и мы грѣшные... съ пустыми руками.

Сдѣлали привалъ, подосадовали, что не застали здѣсь волковъ и рѣшили идти не медля въ два другихъ острова, такъ какъ волкамъ больше негдѣ было скрываться. Въ первомъ островѣ нашли только одну лисицу, которая и была убита, а во второмъ, хотя сразу наткнулись на волчій выводокъ, ничего путнаго не вышло.

Надо сказать, что оба доѣзжачіе, во время привала, успѣли какимъ-то образомъ очень изрядно «куликнуть»; ѣхали молча и вѣроятно предавались размышленіямъ по поводу только что выпитой водки, а тутъ еще гончія, порядкомъ подбившись за цѣлый день охоты, шли сзади нихъ и не искали. Однимъ словомъ, мы услышали голосъ одного Докучая. Онъ одинъ провелъ черезъ весь островъ переряка, вынесъ его прямо на борзятника, поспѣлъ таки къ угонкамъ и, по своему обыкновенію, влѣпилъ въ сѣраго мертвою хваткой, такъ что заколотъ его не представлялось никакого труда.

Одинъ старый шумовой волкъ вышелъ на П...ва, но пришлось травить въ угонъ и онъ прогладилъ его до другого лѣсу, а остальные прорвались неизвѣстно куда.

Поздно вечеромъ уже вызвали окончательно подбившихся гончихъ изъ острова, и опять «въ строгомъ порядкѣ, ускореннымъ шагомъ» направились домой.

Опять голова полна мыслями о завтрашней охотѣ, опять разныя картины, созданныя фантазіей, стали являться въ перемежку съ картинами дѣйствительности, которыя только что видѣлъ, только что пережилъ...

---

Теперь мнѣ остается разсказать еще объ одномъ, вѣроятно уже послѣднемъ подвигѣ Докучая.

Прошлою осень, въ началѣ сентября, въ усадьбу къ намъ прибѣжалъ мужикъ изъ сосѣдняго села, съ извѣстіемъ, что два волка, повидимому сильно налопавшись, вошли въ болото и тамъ остались. Хотя подобныя извѣстія не разъ оказывались ложными, но случаи поохотиться на волковъ у насъ такъ рѣдки, а искушеніе такъ сильно, что немедленно былъ отданъ приказъ сѣдлать лошадей и сомкнуть гончихъ.

Мы живо собрались и поѣхали. Я и сосѣдъ нашъ К. съ ружьями, а братъ мой—съ борзыми. Уже вечерѣло. Гончихъ бросили въ болото, я сталъ на одной его сторонѣ, а К. по другой. Долго не было слышно ни одной гончей, такъ что я уже началъ мысленно бранить мужика, заставившаго насъ такъ много и напрасно волноваться, какъ вдругъ раздался голосъ Докучая и вслѣдъ затѣмъ послышался сильный трескъ въ камышѣ. Оба волка шли прямо на меня. Я сталъ на чистомъ мѣстѣ, около самаго ручья, сплошь заросшаго камышемъ, и волки могли увидѣть меня не прежде, какъ когда они находились-бы въ разстояніи аршина отъ дула. Шагахъ въ пятидесяти отъ меня стоялъ на бѣговыхъ дрожкахъ этотъ самый мужикъ, и я ему настолько внушительно приказалъ молчать во все время охоты, что нисколько не сомнѣвался въ строгомъ исполненіи этого приказанія. Но по мѣрѣ того какъ волки приближались, волненіе его все возрастало и наконецъ разрѣшилось страшнымъ крикомъ: «вотъ они! вотъ они!»

Понятно, что волки сейчасъ-же повернули обратно и вышли на К. Я услышалъ два выстрѣла, а затѣмъ тамъ произошла ужасная свалка. Отчаянное улюлюканье, какой-то ревъ волка, все это слилось вмѣстѣ, а наконецъ туда пронесся во всѣ ноги доѣзжачій и скоро все смолкло. Въ это-же время картина травли другого волка была у меня какъ на ладони. Собаки живо его догнали, щипали за гачи, но ни одна не брала какъ слѣдуетъ, а братъ скакалъ тутъ-же, рядомъ, выжидая хотя-бы секундной задержки волка, чтобъ имѣть возможность его принять. Но, волкъ

началь уже понемногу удаляться и вскорѣ отдѣлался отъ собачь совершенно.

Я поѣхалъ поздравить К. «съ краснымъ полемъ» и когда подъѣзжалъ, то еще издали увидѣлъ, убитаго уже, громаднаго матераго волка, а К. стоящаго надъ нимъ съ двумя половинками ружья въ рукахъ. Онъ разсказалъ мнѣ, что оба волка вышли на него сразу, онъ ударилъ ближайшаго и тотъ покотился какъ мертвый, а вторымъ зарядомъ—сильно ранилъ другого. Раненый все-таки отправился на борзыхъ, а первый волкъ очнулся и сталъ потихоньку уползать въ болото. Задъ у него былъ отбитъ совершенно. К. преградилъ ему путь къ отступленію, но волкъ сталъ на него бросаться, а когда К. хотѣлъ его ударить прикладомъ, то онъ зубами поймалъ ложу и моментально переломилъ ее.

Надо замѣтить, что К. не позаботился взять съ собой ни кинжала, ни даже лишняго заряда, не рассчитывая на удачу.

Въ это время подоспѣлъ Докучай, схватился съ волкомъ пасть въ пасть и, если-бъ не старость, съумѣлъ-бы и самъ справиться съ нимъ, а то оказалось, что необходима еще и посторонняя помощь, иначе и самому Докучаю могло-бы придтись очень плохо.

Къ счастью, доѣзжачій успѣлъ во время прискакать и заколоть. Впрочемъ, дѣло не обошлось такъ безъ легкой царапины доѣзжачему, и довольно сильной—Докучаю.

С. Ш—чъ.

С. Александровка.

1884 г. 8 января.